
П. Е. КИРИЛЛОВ

ОБРАЗ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФСКОМ НАСЛЕДИИ М. ФУКО

Автор рассматривает проблему интерпретации истории в философском наследии М. Фуко. Исследуется дискурсивный анализ как методологический подход в объяснении истории на различных макро- и микроуровнях, анализируется континуальное и дискретное в историческом процессе.

Методологическая проблематика «постижения истории», наверное, одна из самых важных в современном социально-гуманитарном знании и философии. В эпоху постмодерна в интеллектуальной среде произошел окончательный отказ от классических (линейных) представлений о развитии исторических процессов и стали разрабатываться различные варианты интерпретации истории. Особенность этих подходов в том, что они представляют историю как мозаичную картину, хаотичное нагромождение фактов, отсутствие причинно-следственных связей. Однако данное направление зачастую уводило исследователей в область «симулякров» (Ж. Бодрийяр) или «программируемого общества» (А. Турен). Одной из попыток решить историческую дихотомию явилась методологическая концепция М. Фуко.

В основе методологического аппарата Фуко лежала концепция дискурсивного анализа. Теория дискурса в философском наследии французского мыслителя была представлена как методологический прием, позволяющий исследователю обозначить природу и трансформацию фактов, событий, явлений в исторической перспективе.

Предметная область изучения большинства работ Фуко – разнообразные исторические явления, события или эпохи. Однако по стилю написания, используемым образам, а главное – методами вопрошания Фуко выглядит как историк достаточно нетрадиционно. В предисловии к трактату «Использование удовольствий» он отмечал, что все его работы «относятся к области “истории” – и предметом исследования, и характером использованных материалов; но это – не труды “историка”... Это было философское упражнение; его сверхзадачей было узнать, в какой степени работа

осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя, и дать ей возможность мыслить иначе» (Фуко 2004: 15).

Основную свою задачу как историк Фуко видел, во-первых, в кардинальном пересмотре традиционного представления об истории как эволюционном процессе, обусловленном социально-экономическими и политическими трансформациями, и, во-вторых, в объяснении природы современной западноевропейской цивилизации. По его словам, «традиционные средства конструирования всеобъемлющего взгляда на историю и воссоздания прошлого как спокойного и непрерывного развития должны быть подвергнуты систематическому демонтажу... История становится “эффективной” лишь в той степени, в какой она внедряет систему разрыва в само наше существование...» (Foucault 1971: 153–154). Таким образом, история, по мнению Фуко, представляет собой череду дискретностей, лишенных закономерностей, обладающих разнообразной природой исторических фактов и эпох, хотя для описания исторических событий французский философ использует традиционную линейную периодизацию, называя исторические эпохи «эпистемой».

Использование термина «эпистема» связано с увлечением Фуко на определенном этапе научного творчества идеями структурализма, т. е. представлениями о структурированности мышления и языка, присущих какой-либо исторической эпохе. Под «эпистемой» он понимал совокупность разнообразных дискурсов (научных, клинических, образовательных и т. п.), которые формируют «проблемное поле» культурного знания. Как отмечал И. П. Ильин, «характерной особенностью понимания “эпистемы” у Фуко является то, что она у него выступает как исторически конкретное “познавательное поле” научного свойства, как уровень научных представлений своего времени» (Ильин 1996: 60–61). Понятие «эпистема» было введено в научный оборот в трактате «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» и означало общее пространство знания, скрытое от непосредственного наблюдения, сеть отношений между «словами» и «вещами», на основе которой строятся свойственные той или иной эпохе коды восприятия, познания, практики и т. д. Идея «эпистемы» как самостоятельного феномена в истории культуры и общества возникла у Фуко после применения методологического анализа дискурса (метод археологии, архива и генеалогии) к конкретным историческим эпохам.

В контексте работ Фуко можно проследить следующие хронологические и содержательные рамки «эпистем».

– *Античная* (VII век до н. э. – V век н. э.). Анализ этой эпистемы Фуко предпринял во II томе «Истории сексуальности», посвященном изучению «техники самости», т. е. совокупности разнообразных практик, направленных на рефлексивное поведение, любовных отношений личности и «ойкоса» общества древнегреческих полисов.

– *Средневековая* (V–XV века). Эта эпистема практически не исследована в творчестве Фуко. Автор обращается к некоторым дискурсивным практикам средневековой эпистемы лишь в работах «История безумия в классическую эпоху» и «Рождение клиники».

– *Возрожденческая* (XV–XVI века). В этой эпистеме, по мнению Фуко, начинаются многие трансформационные процессы, которые привели к складыванию современного общества.

– *Классическая* (XVII–XVIII века). Здесь происходили кардинальные и системные изменения во всех сферах общества. Большинство «исторических» работ Фуко посвящены анализу социальных институтов и организаций в эту эпоху: тюрьмы, знания, власти, безумия и т. д. В этой эпистеме происходили трансформации типов дискурса как элементов научного знания.

– *Современная* (XIX–XX века). Все предыдущие эпистемы должны были, по замыслу Фуко, показать природу современного «дисциплинарного общества», т. е. те пути и изменения, с помощью которых сложилось общество обезличенной, но всепроникающей системы власти. Однако это не последняя эпистема западноевропейской цивилизации.

Вслед за Г. Гегелем, О. Контом, К. Марксом и другими мыслителями Фуко разрабатывал стадиальную концепцию развития западноевропейской цивилизации. Однако в отличие от предыдущих исследователей он изучал развитие европейской цивилизации через призму властных отношений, когда стадиальная последовательность смены эпистем не является прогрессом и несет угрозу дегуманизации.

Об исчезновении современного человека Фуко заявил в завершении трактата «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук»: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, – это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек» (Фуко 1977: 404). Какой иной тип общества должен прийти на смену дисциплинарному? Фуко в своих работах ставил целью исследование

конфигурации знания и власти в контексте западноевропейской цивилизации XX века.

Он утверждал, что знание и власть глубоко связаны между собой, их влияние на современное общество все значительней и охватывает все стороны повседневной жизни. Фуко отмечал, что доминирующей характеристикой современного капитализма является не эксплуатация, не отчуждение, не физическое подавление (как, например, утверждали теоретики Франкфуртской школы или неомарксисты), а создание новой модели социального контроля, которая внедряется в практику разных социальных сфер и осуществляется рядом структур, чьим агентом является каждый человек и в то же время никто.

Ж. Делёз предположил, что это будет общество контроля, т. е. общество с еще более тонкими управленческими технологиями, опирающимися на достижения в области компьютерных наук и молекулярной биологии.

Наиболее важную роль в становлении современного дисциплинарного общества принадлежит эпистемам Возрождения и Классики. Н. С. Автономова объясняет, чем эти эпистемы кардинально отличаются друг от друга: «В ренессансной эпистеме слова и вещи сопринадлежны по сходству; в классическую эпоху они соизмеряются друг с другом посредством мышления – путем репрезентации, в пространстве представления; начиная с XIX века слова и вещи связываются друг с другом еще более сложной опосредованной связью – такими мерками, как труд, жизнь, язык, которые функционируют уже не в пространстве представления, но во времени, в истории» (Автономова 1977: 58). Анализ этих эпистем Фуко проводит в первую очередь с помощью выявления и обозначения дискурсивных практик. Научные типы дискурсов в эти эпохи «переживают» тотальные трансформации. Это касалось не только внутреннего состояния дискурса (изменения соотношений властных отношений, системы тождества и различия в языке и т. д.), но и трансформации внешней среды. Все изменения дискурсов происходят на историческом фоне событий, однако и здесь Фуко выдвигает свою интерпретацию истории дискурса и истории как знания.

В работе «Порядок дискурса» Фуко, анализируя методологию школы «Анналов», обозначает собственное представление об истории: «Часто на счет современной истории заносят устранение привилегий, некогда предоставляющихся единичному событию, и выявление структур “большой длительности”. Бесспорно, так оно

и есть, ...сузив до предела границы события, доведя разрешающую способность исторического анализа до преискурантов, нотариальных актов, приходских книг и портовых архивов, прослеживаемых год за годом, неделя за неделей, – обнаружили вдруг, что за битвами, декретами, династиями и ассамблеями вырисовываются феномены векового или многовекового порядка» (Фуко 1996б: 83). Историк, по мнению Фуко, должен критически отнестись к предыдущей историографии как к сугубо описательной дисциплине.

Изучение фактов или явлений необходимо сочетать с анализом дискурсивных практик: «Это – понятия события и серии с игрой сопряженных с ними понятий: регулярность, непредвиденная случайность, прерывность, зависимость, трансформация. Благодаря такому набору анализ дискурсов, о котором я думаю, сочленяется с реальной работой историков» (Там же: 84).

В «Археологии знания» Фуко пытался показать, что работа историка сопряжена с большими трудностями: «Искать в этом огромном накоплении уже проговоренных текстов похожесть, которые будут напоминать “заранее” будущий текст, рыскать по истории для переоткрытия игры предвосхищений или отголосков, идти по следам первых семян или проследживать последние следы, чтобы обнаружить в работе ее верность традициям или же ее неповторимость, взвесить ее оригинальность... все это безобидные развлечения историка, отказывающегося взрослеть» (Фуко 1996а: 144). С точки зрения Фуко, историк изучает линейность или цикличность прошлого, но в контексте непрерывности для описания настоящего. Историк пытается реконструировать прошлое в максимальной действительности, рисуя историческое прошлое красками настоящего. Для Фуко история является формой познания и формой власти одновременно, т. е. средством контроля и воспроизводства прошлого как его знания. На место «глобальной истории» Фуко попытался поставить серию «локальных историй», цель которых – описать частности практик, границы дискурсов, формы их зависимости.

Следуя концепции «игрового иррационализма» Ф. Ницше, Фуко предлагает три способа обращения с историей.

1. Расширяя традиционную монументальную историю, мы практикуем пародийное и фарсовое преувеличение, доводя все «священное» до карнавального передела героического, – вплоть до самых великих, каких только можно вообразить, людей и событий.

2. Полностью отказываясь от старой общепринятой традиции исторического развития, мы сразу становимся «всеми». Множественное и прерывистое «Я», неспособное к синтезу и незаинтересованное в своих корнях, способно эмпатически вживаться в любые формы существования изменчивого мира людей и культур.

3. Отказываясь от исключительной страсти к «истине», мы отвергаем «волю-к-знанию» и жертвуем жизнью. Мы чтим практику «глупости» (Foucault 1971: 160–161).

Таким образом, Фуко обозначил проблему дискретности исторических процессов, недоступность их интерпретации с помощью сознания. Как заметил Ю. Хабермас, «история в единственном числе должна снова стать множественной. Однако не в разнообразии нарративных историй, но в плюрализме возникающих без всяких правил и тут же исчезающих островков дискурса» (Хабермас 2003: 135). Фуко критиковал «ложную» непрерывность истории: существует не одна история, а одновременные системные истории. «Почти одновременно во всех тех дисциплинах, которые мы привыкли объединять под именем “истории”, ... смещается фокус внимания, и исследователи переходят от описания широких общностей... к изучению феноменов разрывов» (Фуко 1996а: 8). Флуктуация, энтропийное «раскачивание», системные взаимосвязи, дискретность – вот физические термины, с помощью которых можно объяснить природу и генезис государства, религиозных ритуалов, гладиаторские бои или походы викингов.

Фуко интересуется не столько громкими фактами или событиями в истории, сколько анализом качественных изменений стратегий мышления в различных исторических эпохах. Все внимание философа оказывается прикованным не к новым образованиям, а к месту разрыва или обстоятельствам их разделения.

На маргинальных примерах западноевропейской цивилизации (безумие, преступность, болезнь и т. п.) Фуко «рисует» историческую картину в духе Д. Веласкеса, где переплетены первопричины и взаимосвязи между «словами и вещами». Постоянное обращение Фуко к исторической тематике нам видится неслучайным: в своих работах он ставил целью исследовать конфигурацию знания и власти, которая постоянно трансформируется и оказывает влияние на формирование современного общества.

Иначе говоря, история в концепции Фуко амбивалентна: она «выступает» в двух позициях:

– преемственности цивилизационных ценностей – идея «непрерывности»;

– «материала», с помощью которого можно обозначить философскую природу и генезис любого факта или события, основанных на разрывах, случайности и т. д., – теория «дискретности».

На макроуровне событий Фуко обозначает историю как линейно-стадиальный процесс, однако на микроуровне история «рассыпается» на дискретные «поля», природа которых не поддается однозначной интерпретации. Данный подход вписывается в концептуальную парадигму глобальной, или Универсальной, истории, когда исследователь вынужден оперировать огромными периодами исторического времени, описывая их как непрерывный процесс, и переходить на конкретные факты и примеры, понимая их неоднозначность и дискретность.

Литература

Автономова, Н. С. 1977. *Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма)*. М.: Наука.

Ильин, И. П. 1996. *Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм*. М.: Интрада.

Фуко, М.

1977. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. М.: Прогресс.

1996а. *Археология знания*. Киев: Ника-Центр.

1996б. *Порядок дискурса*. В: Фуко, М., *Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет* (с. 49–96). М.: Касталь.

2004. *Использование удовольствий. История сексуальности*. СПб.: Академический проект.

Хабермас, Ю. 2003. *Философский дискурс о модерне*. М.: Весь Мир.

Foucault, M. 1971. Nietzsche, la genealogie, l'histoire. *Hommage a Jean Hyppolite* (pp. 145–172). Paris: PUF.